

ЭББИ-ЛИНН
НОРР

ЭЛЕМЕНТАЛИ

РОЖДЕННАЯ
ВОДОЙ

Эбби-Линн Норр

Рожденная водой

Серия «Элементали», книга 1

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/71615872>

Рожденная водой: Иностранка; Москва; 2025

ISBN 978-5-389-27856-1

Аннотация

<p>Юная канадка Тарга Мак’Оли живет в небольшом приморском городке Солтфорд. Она хорошо учится, дружит с тремя отличными девочками и иногда встречается с парнями, – словом, ничем не отличается от сотен других школьниц. За исключением одного: мама Тарги, специалист по обследованию затонувших судов, не женщина, а... русалка, удивительное первобытное существо, волею судьбы застрявшее на берегу. И сама Тарга должна была бы уже отрастить русалочий хвост, но таинственные гены сирен, несмотря на все усилия мамы, не желают пробуждаться. А вдруг она – русалка-мутант, которой суждено навеки остаться обычным человеком? Так девушка думала до той поры, пока не отправилась с мамой и ее коллегами-дайверами в Польшу на одно интересное задание...</p>

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эбби-Линн Норр

Рожденная водой

A.L. Knorr BORN OF WATER

Copyright © A.L. Knorr, 2016

© М. В. Панягин, перевод, 2024

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Иностранка®

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Иностранка®

* * *

Тем, кто в опасности на море¹

¹ Строчка из гимна Военно-морского флота Великобритании.— *Здесь и далее примеч. пер.*

Пролог

Польша. Наши дни

– Лучшие на свете, – Антони протянул Мартиниушу набитую документами папку. – Но я все-таки не понимаю, зачем искать среди иностранцев. У нас и в Гданьске наберется прекрасная команда.

Мартиниуш взял папку покрытой старческими пятнами рукой и придвинул стул к деревянному столу, за которым когда-то работали и его отец, и отец его отца.

– Все просто: эта задача не для всех. Нам нужны лучшие, и неважно, поляки они или нет.

– Не представляю, что скажут наши сторонники, когда узнают, что мы предпочли зарубежную команду, – задумчиво проговорил Антони. – Мне-то все равно – пусть победит сильнейший. А вот здешним палец в рот не клади, если вы понимаете, о чем я.

– Брось. Не так много у нас осталось сторонников. Большинство и не поляки вовсе. Мир давным-давно забыл о крушении «Сибеллен». Кого мы выберем – не их ума дело. – Мартиниуш достал из переднего кармана очки в проволочной оправе и водрузил их на кончик носа. Для человека, которому хорошо за семьдесят, зрение у него было весьма неплохим – очками он пользовался, только когда читал. – Спасибо, Антони.

Старик взмахнул рукой, отпуская помощника.

Антони кивнул и вышел из кабинета.

Мартиниуш принялся неспешно пролистывать папку. В окно сквозь деревья струились ранние лучи утреннего солнца, освещая страницы. У правой руки старика стояла чашка горячего чая «дарджилинг»². Поднеся дымящуюся чашку к губам, он отложил очередное досье и остановил взгляд на статье с фотографией. Глаза его расширились от потрясения, а чашка застыла на полпути к губам. Рука задрожала, и он торопливо, мимо блюда, поставил чашку на стол, запятнав поверхность антикварного деревянного стола каплями воды. Взял страницу обеими руками и поднес ее почти к лицу, словно хотел убедиться, что глаза его не обманули.

– Не может быть, – он прищурился, вглядываясь в изображенную на фотографии женщину. – Неужели она?

² Чай, выращиваемый в окрестностях одноименного индийского города в Гималаях.

Глава 1

– Мам? – Пена от зубной пасты полетела во все стороны. Я стояла в пижаме посреди гостиной с зубной щеткой в руке.

По телевизору шли новости. Сбоку от размалеванного лица ведущей красовалась фотография кинозвезды Рейчел Монтгомери, закатившей со своей свитой вечеринку на яхте. Я собиралась в школу в последний раз в этом учебном году и вдруг услышала, как из телевизора доносятся слова «шторм», «яхта» и «спасение». Всю неделю по утрам наш телик показывал только новостные блоки. Обычно я пропускала их мимо ушей. Но не в этот раз.

– Через несколько минут, – тараторила ведущая, – мы вернемся с подробностями ужасных событий, произошедших с мисс Монтгомери в бухте Чертового Око.

Началась реклама.

– Что случилось, Тарга? – донесся с подъездной дорожки голос мамы, которая в эту минуту погружала ящики в служебный грузовичок.

– Кораблекрушение! – едва успела выпалить я: еще чуть-чуть, и зубная паста потекла бы по подбородку. Я бросилась на кухню, сплюнула в раковину и схватила полотенце, чтобы вытереть лицо. Долго бежать не пришлось: кухня у нас – часть гостиной, плита и все прочее отделены от комнаты небольшим буфетом.

Мы живем в отремонтированном трейлере. С тех пор как папа скончался – это случилось почти девять лет назад, когда мне было восемь, – наша жизнь изменилась не в лучшую сторону. В то время мама не работала, и двухэтажный загородный дом стал нам больше не по карману. Пришлось перебираться в трейлерный парк на окраине Солтфорда, городка на восточном побережье Канады. Парк, к слову, довольно милый – ну точно не хуже других. Наши соседи пекутся о своих жилищах и небольших садиках, словно об итальянских виллах. «Трейлер не помойка», – гласит неофициальный местный закон. Скажу честно: если судить по тому, насколько красив и ухожен дом, худших жильцов, чем мы с мамой, не найти во всем парке. Наш трейлер – самая что ни на есть помойка. Не то что сада – у нас и горшков с геранью в помине нет. Лужайка засыпана гравием, а к входной двери ведут треснувшие посередине бетонные ступени. Не подумайте, что мы нищие: мама вкалывает по полной, чтобы обеспечить меня всем необходимым. Вот только состояние нашего дома у нее далеко не на первом месте.

Пока шла реклама, я сполоснула в раковине гейзерную кофеварку и приподняла крышку переполненного мусорного ведра, чтобы вытряхнуть туда спитой кофе. Крышка соскочила с петель, ведро накренилось, и липкая луковая кожура вперемешку с гниющими апельсиновыми корками вывалилась наружу, прямо на мои босые ноги. Я вздохнула, задер-

жала дыхание и, собрав с пола вонючую массу, вынесла ведро на улицу.

Следить за всем, что требует ухода и ремонта, приходится мне. Маме присматривать за трейлером некогда: она слишком занята работой. Ее послушать – так мы живем просто по-королевски, ведь зимой у нас тепло, есть электричество и вода. Моя мама – Майра Мак’Оли – полная противоположность материалистке. Она совершенно равнодушна к вещам, поэтому ей и не удается поладить с людьми, которые украшают свои дома дорогостоящими предметами искусства, тратят тысячи баксов на хлопковую простыню или покупают хороший автомобиль. Нет, она вовсе их не осуждает, просто ей смертельно скучно болтать о подобной чепухе. Так что найти друзей – и тем более сохранить с ними хорошие отношения – маме ох как непросто. Не то чтобы она сильно из-за этого переживала. Порой мне кажется, что из всех людей на свете ей нужна только я одна. Ну и мои друзья, конечно, – но лишь потому, что они интересны мне. Тот, кто дорог мне, дорог и моей маме.

Я принесла ведро обратно в дом, сполоснула его, поставила под раковину и продолжила заниматься кофе. Высыпав свежую заварку в фильтр, прикрутила верхний резервуар к нижнему, зажгла спичкой нашу газовую плиту – ей лет шестьдесят, не меньше, – поставила кофеварку на мерцающее голубое пламя и выглянула в переднее окно. Мама

заканчивала запихивать ящики в служебный грузовичок. В них хранилось водолазное снаряжение, которое она использовала как прикрытие, чтобы никто на работе не разгадал ее секрет. Увы, оно же было и проклятьем всей ее жизни.

На каждом черном ящике стоял штамп с надписью «Поисково-спасательная служба „Синие жилеты“». То же было написано сбоку на грузовике, который маме предоставил ее шеф Саймон, когда она заключила с компанией новый контракт. Начальство явно ей благоволило: ни один другой работник не удостоился подобной привилегии. Ирония же заключается в том, что маме автомобиль нужен меньше, чем любому из ее коллег.

Я улыбнулась, увидев, как грузовик качнулся под тяжестью последнего ящика. В нем, наверное, лежали водолазные грузы. Мама захлопнула дверцу, встретилась со мной взглядом кристально-голубых глаз и смущенно улыбнулась. Я покачала головой.

Забурлил кофе, и когда я направилась к плите, чтобы налить его в чашку, на меня вдруг нахлынула волна грусти. Я знаю, что моя мама ненавидит маску, за которой вынуждена скрываться от всего мира, и свою тайну хранит лишь из любви ко мне.

Пролетев по подъездной дорожке и одним прыжком преодолев ведущие к крыльцу ступени, она вошла в дом. Я невольно вздрогнула: входная дверь закрылась с такой си-

лой, что стены трейлера затряслись. Моя мама сильнее всех, кого я знаю, и к нашей собственности она относится не менее пренебрежительно, чем к бесполезному снаряжению для дайвинга.

– Серьезно, мам? – я протянула ей яву³. – Оборудование, которое доверил тебе Саймон, стоит десятки тысяч долларов, а ты относишься к нему, как к боксерской груше!

– Это вопрос? – Она залпом осушила чашку, словно там был виски, и протянула ее мне. – Ты что-то говорила о кораблекрушении?

Я указала подбородком на телевизор и пошла сполоснуть мамину чашку. На экране возникла заставка новостей, вещавшая об окончании рекламы и продолжении репортажа. Я смотрела сюжет, стоя на кухне, а мама – из крошечной прихожей.

– Вчера суперзвезда Рейчел Монтгомери и ее друзья устроили вечеринку на спортивной яхте. Недалеко от побережья их застигли сильный ветер и девятиметровые волны, – рассказывал ведущий. – Яхта налетела на скалы и, как и многие ее предшественники, потерпела крушение в бухте Чертово Око. – Ведущему, конечно, следовало оставаться беспристрастным, но, будучи местным жителем, он явно счел затею Рейчел Монтгомери и ее друзей глупостью вселенского масштаба.

Бухта Чертово Око представляет собой большой залив,

³ Сорт кофе, выращиваемый на острове Ява.

окруженный зубчатыми скалами. Расположена она меньше чем в восьми километрах от Солтфордского пляжа, куда в летнее время стекаются толпы туристов. Бухта печально известна сильными течениями, большими волнами и внезапными штормами. По форме, если смотреть на карту, она напоминает злобный глаз, чем и заслужила свое официальное название. «Чертово Око» звучит зловеще, но здешним обитателям этого показалось мало: из-за бушующих волн, бьющихся о зубчатые скалы, в народе бухту окрестили «Кладбищем». Само собой, так ее называют только местные. И не зря: каждое лето какой-нибудь невезучий турист, приехавший полюбоваться природой, непременно попадает в беду. Людей притягивают суровая красота этих мест и чувство уединения, которое они дарят. Местные, конечно, осведомлены лучше, поэтому обходят Чертово Око стороной. Но туристы продолжают приезжать, невзирая на предупреждения, которыми городская администрация напичкала информационные брошюры.

– Идиоты, – процедила мама сквозь зубы. Не отрывая взгляд от телевизора, она расчесала длинные черные волосы и собрала их в небрежный хвост. Затем достала бутылку воды из упаковки, стоявшей на полу у двери, и залпом ее осушила. Воды она пьет больше, чем скаковая лошадь.

– Никто серьезно не пострадал, – подытожил ведущий. – Но яхта была полностью уничтожена, а все находившееся на борту имущество – утеряно. Власти в очередной раз напо-

минают, что бухта Чертово Око не рекомендована для посещений...

Голос репортера заглушил звонок маминого мобильного. Она открыла свою древнюю «раскладушку» с гибкой грацией, с какой делала все на свете. Мама твердо решила не менять телефон до тех пор, пока тот не сломается. Как ему удалось выжить, претерпев от хозяйки столько издевательств, оставалось для меня загадкой.

– Майра слушает, – проговорила она своим серебристым голосом.

Я собирала обед в школу, попутно слушая мамины реплики. Угадать, что говорит ее собеседник, было несложно: я знала, что звонит Саймон. Он – основатель «Синих жилетов», а моя мама – звезда его команды. Никто из них, равно как и сам Саймон, и не подозревал, в чем кроется секрет их успеха.

Я пошла в комнату, переделалась и прошлась расческой по волосам, продолжая подслушивать мамин разговор. В нашем крохотном трейлере почти невозможно уединиться, и звук ее голоса легко проникал через открытую дверь моей комнаты.

– Ага, только что видела по телевизору. Позвонили? Быстро, однако. Наверное, речь о драгоценностях. Чертово Око... Дэвис против? Да уж, он своего не упустит, – она усмехнулась. – Да, хорошо. Буду через десять минут.

Я нахмурилась, натягивая джинсы. Офис «Синих жиле-

тов» находился в порту, в двадцати минутах езды от дома. Отучить маму от небрежного вождения мне так и не удалось: она превышает скорость всякий раз, когда садится за руль. Само собой, ее постоянно останавливает полиция. Думаете, у нее полно штрафов? Как бы не так. В нужный момент мамин голос приобретает очарование, способное пленить любого, даже сурового стража порядка.

Услышав писк телефона, я достала его из переднего кармана рюкзака. Сэксони отправила голосовое сообщение в наш групповой чат, в котором кроме меня были три моих подружки: Сэксони Кэгни, Джорджейна Сатерленд и Акико Сусуму.

Я нажала «прослушать», и из динамика тотчас раздался голос рыжей бестии – да-да, именно такой она и была: «*Last da-a-a-a-a-a-a-ay! Last day, last day, last day! No more pencils, no more books...*»⁴ – на этом ее сообщение оборвалось.

Не успела я записать остальную часть припева, как телефон снова запищал. Меня опередила Джорджейна: «*No more teachers dirty looks*»⁵, – пропела она⁶.

И снова телефон. На экране возникло сообщение от Акико: «Кажется, у меня паника».

⁴ Последний де-е-е-нь! Последний день, последний день, последний день! Хватит карандашей, хватит учебников... (англ.).

⁵ Хватит скабрзных взглядов учителей(англ.).

⁶ Строчки из популярной песни рок-музыканта Элиса Купера *School's Out* (рус. «Долой школу» или «Школа окончена», 1972), ставшей своеобразным гимном американских школьников 70-х.

Конечно, она пошутила. Акико обожает школу и всякий раз оплакивает конец учебного года, будто умер ее любимый питомец. К тому же из нас четверых она меньше всех похожа на паникершу. Думаю, у нее и пульс никогда не меняется – ни во сне, ни на пробежке. Спокойна, как удав.

«Да ну? А я ем хот-дог. Очень вкусный», – молниеносно ответила Сэксони.

Джорджейна: «На завтрак? Кошмар».

Тут я услышала, как мама на кухне застегивает сумку.

– Я ухожу, солнышко!

– Ага. Слышу, – оставив длинные каштановые волосы распущенными, я вышла из комнаты в джинсах и любимой черной футболке с оголенными плечами и красовавшейся спереди цифрой «89».

– Ты снова собралась на Кладбище после работы?

Это был один из маминых секретов и причина ее вечной занятости. Днем она играла роль профессионального дайвера, а настоящей работой занималась по ночам, в полном одиночестве, погружаясь в темные и порой опасные воды.

Ее глаза засияли:

– Да. А что, ты против?

– Нет, мам. Что будешь искать на этот раз?

Я присела на угол нашего выцветшего фисташкового дивана и натянула носки.

– Семейные драгоценности. Менеджер Рейчел позвонил нам и поинтересовался, можем ли мы помочь, – она пинком

подкинула мне кроссовки.

Я надела их, не расшнуровывая.

– Быстро он. Но ты, кажется, сказала, что Эрик забраковал Чертово Око?

Эрик Дэвис – ведущий аналитик компании. Его задача – изучить водное пространство и решить, достаточно ли оно безопасно, чтобы заключить контракт. В те места, которые, по его мнению, небезопасны, мама отправляется в одиночку. Разумеется, в таких случаях и оплату получает только она. Иногда ее коллеги об этом знают, иногда – нет. Но если прослышат – все до одного жутко на нее злятся. Особенно Эрик: он воспринимает ситуацию как личное оскорбление, хотя на самом деле все это не имеет к нему никакого отношения.

– С каких пор это меня останавливает? – она приподняла бровь. Правила компании мама и впрямь не нарушала. Впрочем, любая школа дайвинга наверняка осудила бы подобное поведение. Мама славилась своим безрассудством – но так думали лишь потому, что никто не знал ее секрета.

– С никаких, – ответила я. – Но ты сама все усложняешь, ныряя там, где Эрик запрещает. Он и без того на тебя зуб точит.

Она положила тонкую изящную руку на ручку входной двери.

– Пусть думает обо мне что угодно. Мне все равно, лишь бы не мешал. Да он и не узнает. Все будет хорошо.

Я вздохнула и поцеловала ее в щеку.

– Будь осторожна, хорошо? Знаю, это твое увлечение. Но я очень волнуюсь, когда ты работаешь на Кладбище. Особенно по ночам, – я поежилась. От одной мысли об этом меня бросало в дрожь.

– И кто из нас двоих – мама? – она рассмеялась и взяла еще одну бутылку воды. Я промолчала и тотчас поймала на себе испытующий взгляд ее неистово голубых глаз. Она протянула бледную руку и погладила меня по щеке. – Если б ты только знала, каково это. Не беспокойся. Тебе нечего бояться.

Я молча кивнула. Слова эти я слышала от мамы и раньше, но понять ее было не так-то просто. Во всяком случае, легче мне от ее утешений не становилось. Она быстро обняла меня:

– Хорошего последнего дня в школе, солнышко.

И ушла.

Я собралась, выключила свет и заперла за собой дверь. В эту минуту на меня вдруг нахлынуло до боли знакомое чувство вины, всякий раз преследовавшее меня при мысли, что из любви ко мне мама вынуждена жить не своей жизнью, которую ненавидит всем сердцем.

А если бы папа был жив? Была бы она сейчас рядом?

Моя мама родом из морских глубин. Она – сирена. Русалка. А ее дочь – человек. Поэтому ей не суждено вернуться домой.

Глава 2

Прозвенел последний звонок, и, встретившись у южного входа в школу, мы с подружками направились в кафе «Флагг», чтобы отпраздновать окончание учебного года. Стоял чудесный день: на небе не было ни облачка, ветер не дул, поэтому мы убрали свитеры в рюкзаки и остались в майках. На восточном побережье Канады даже летом порой царит прохлада. По дороге мы пересказывали друг другу события последних дней, едва успевая уворачиваться от снующих туда-сюда старшеклассников. Сегодня на улицах было полным-полно подростков, радующихся долгожданной свободе так, словно они только что вышли из тюрьмы.

– Ты слышала, что случилось с Рейчел Монтгомери? – спросила я Сэксони. Я знала, что ей нравится эта актриса.

– Да, – вздохнула подруга. – Она что, спятила? Могла ведь погибнуть. Нет, я, конечно, люблю Рейчел, но она совершила большую глупость, устроив вечеринку на Кладбище. Какой идиотизм! Ну правда.

– Мама тоже так сказала, – улыбнулась я.

– Если верить новостям, Рейчел уже уехала, – продолжила Сэксони. – Но готова поспорить, это вранье. Они ведь всегда так говорят о знаменитостях, чтобы им никто не докучал. Думаю, мы могли бы попытаться выяснить, где она остановилась, и выследить ее, – с этими словами она хитро припод-

няла брови.

– Желаю удачи, – фыркнула Акико.

Я мысленно поморщилась. Сэксони была бы в восторге, если бы узнала, что Рейчел действительно все еще в городе, а моя мама скоро лично доставит суперзвезде потерянные в бухте вещи. Это навело меня на одну интересную мысль, и я решила непременно обсудить ее с мамой сегодня вечером.

– А когда вы, кстати, уезжаете? – спросила Джорджейна Акико и Сэксони. Обе планировали провести лето за границей.

– Я улетаю через шесть дней, а Акико – на следующий день после меня, – напомнила Сэксони. – Нужно обязательно собраться вчетвером, прежде чем мы уедем. Может, вечером в субботу?

– Мне подходит, – согласилась Акико.

– Мне тоже. А тебе, Тарга? – спросила Джорджейна, взяв меня под руку. Рядом с ней я, как обычно, чувствовала себя ребенком: Джорджи была на добрые полголовы выше меня.

– Ага. Я пока свободна. Подумываю найти подработку или записаться на летние курсы, – ответила я. – Заодно и набрать кредитных часов по естественным наукам на следующий год⁷.

– Достойная мысль, Тарга, – проворковала Акико своим нежным голосом.

⁷ Кредитным часом называют единицу, обозначающую еженедельную нагрузку студента в учебных заведениях США и Канады.

– Вовсе нет! – возразила Сэксони, и ее длинные рыжие кудри качнулись в знак протеста. – Ты и впрямь собралась учиться летом по доброй воле? Сходила бы лучше на пляж, нашла парня или, если на то пошло, почитала книжку, – у тебя их в списке не меньше тысячи. Но, ради всего святого, не возвращайся в школу раньше времени!

Акико улыбнулась выпадом подруги. Она никогда не обижалась, если та с ней спорила. Вот такие у них отношения: не соглашаются друг с другом почти во всем. Иногда я вовсе не понимаю, как эти двое умудрились подружиться.

С Джорджейной и Сэксони я знакома с детского сада. Мы вместе росли, хотя и не всегда были так близки, как теперь. Порой детям требуется несколько лет, чтобы разобраться в своих симпатиях. Однако к тому времени, как мы перешли в среднюю школу, троица наша была неразлучна.

Акико живет на границе двух школьных округов, поэтому до старших классов мы учились в разных школах. А подружилась пару лет назад, в середине девятого класса, познакомившись на совместных уроках по истории и математике. Акико всегда была одиночкой и ни в ком не нуждалась, но чертова математика давалась ей так хорошо, что я не раз обращалась к ней за помощью, ведь сама я в ней ничегошеньки не понимала. Мы стали вместе ходить в библиотеку, и она натаскивала меня до самого конца учебного года.

Когда Джорджейне исполнялось четырнадцать, она пригласила нас с Сэксони на праздничную вечеринку у бассейна,

и я попросила разрешения привести с собой подругу. Лишь только мы с Акико появились на пороге, Сэксони и Джорджейна буквально задушили ее в объятиях. К моему удивлению, Акико и Сэксони быстро привязались друг к другу.

Мы пришли во «Флаг», и они заняли столик во внутреннем дворике, а мы с Джорджи направились внутрь, чтобы сделать заказ. Кафе кишмя кишело посетителями – в основном школьниками и студентами, которые, как и мы, решили отметить окончание учебного года. Пришлось томиться в ожидании целых десять минут, прежде чем очередь наконец дошла до нас.

– Два капучино, один флэт уайт и один со льдом, пожалуйста, – обратилась Джорджейна к рыжему парню за стойкой. Я узнала в нем одного из учеников нашей школы, на год младше нас. Парнишка заморгал, как сова, после чего, запинаясь, повторил заказ и застучал клавишами компьютера. Джорджейна, конечно, ничего не заметила, а вот от меня не ускользнуло, что в этот момент бедолага так засмутился, что покраснел до ушей.

Джорджи похожа на фотомоделю: у нее длинные ноги, светлые волосы и красивый загар. Из-за высокого роста выглядит она довольно грозно. На самом деле она жуткий гик: знает абсолютно все о компьютерах, фотоаппаратах и других цифровых штуках. У нее больше пяти тысяч подписчиков в блоге, не говоря уже о социальных сетях. В общем, от жизни в сети она просто кайфует и даже ухитряется там зарабаты-

вать, хотя как именно – остается для меня загадкой. Лично у меня мороз по коже при одной мысли о том, чтобы выставить свою жизнь на всеобщее обозрение.

– Ты, наверное, несся как угорелый, чтобы успеть из школы на работу? – спросила его Джорджейна.

– Кто – я? – промямлил рыжеволосый. Он явно был в шоке оттого, что с ним заговорила сияющая богиня. Я прикрыла рот рукой, пряча улыбку. Глядя на прекрасную Джорджейну, может показаться, что она – сноб. Но стоит узнать ее поближе, и сразу становится понятно, что она просто душка и всегда проявляет живой интерес к собеседнику, кем бы тот ни был. Я, например, не раз видела, как она из чистого любопытства останавливается поболтать с каким-нибудь бродягой. Не знаю, как моя подруга до такого докатилась. Вот мама ее в общении с бездомными не видит никакой ценности. В отличие от дочки, она – самый что ни на есть сноб, и Джорджи, будьте уверены, подтвердит это первой.

– Ты, кто же еще, – дружелюбно сказала моя подруга. – Добавь, пожалуйста, в кофе со льдом миндального молока. Прости, совсем забыла, – она хлопнула себя ладонью по лбу.

– Ничего, – завозившись с контейнером, рыжий забрызгал молоком фартук, а Джорджи все продолжала болтать. Казалось, разговор с красоткой привел паренька в такое смятение, что я даже забеспокоилась, не перепутает ли он наш заказ с чьим-либо другим.

– Большое спасибо, – тепло поблагодарила Джорджейна,

когда бедняга наконец закончил суетиться, и улыбнулась, демонстрируя идеально белые зубы и ямочки на щеках.

Рыжий с лязгом уронил в раковину покрытую пеной ложку и пробормотал:

– Пожалуйста.

Акико терпеливо ждала нас за столиком, а Сэксони стояла на солнышке, болтая с симпатичным парнем, который оказался мне незнакомым. Я не знала, о чем они говорят, но она смеялась и трогала его за руку. Отбоя от поклонников у рыжей бестии не было – с ее-то формами и огромными зелеными глазами.

Мы взяли напитки и понесли их к столику. Парень, с которым беседовала Сэксони, посмотрел в нашу сторону и явно смутился, когда Джорджейна подошла ближе и нагнулась, чтобы поставить чашки.

Он перебросил открытый рюкзак с одного плеча на другое, и из него выпал учебник. Сэксони подняла его и протянула владельцу. Тот взял книгу, пробормотал что-то на прощание и ушел, бросив на Джорджи еще один взволнованный, но одобрительный взгляд.

Сэксони села за столик, нарочито сердито стрельнув глазами в мою сторону.

– Еще пару минут вы там постоять не могли? Спугнули такого милашку! Ну прекрасно!

– Почему ты смотришь на меня? Вини во всем блондинку ростом под метр восемьдесят, а не бледную и тщедушную

меня, – я указала на Джорджейну.

– Метр восемьдесят? Вовсе нет! – возмутилась Джорджи. Сколько я ее знаю, она всегда стеснялась своего роста.

– Ну почти, – Акико придвинула флэт уайт ближе к себе.
– Дело вовсе не во мне. А в тебе, – Джорджейна указала на меня.

У меня отвисла челюсть.

Она закатила глаза:

– Разве ты не заметила, что каждый чертов парень, который встретился нам по пути сюда, глазел на тебя, как на вырезку в магазине? Нет, я, конечно, понимаю, что ты красотка, но неужели трудно пялиться не так открыто?

– Как же ты заблуждаешься, – я покачала головой. – Знаешь, а ведь это лечится.

– Тогда и тебе рецепт не помешает, – парировала Сэксони.
– С мужчинами ты всегда была слепа как крот.

– Самое время поиздеваться над Таргой? Спасибо за совет, но не стоит волноваться: со зрением у меня все в порядке.

– С мужчинами... – проговорила Акико с ноткой сарказма в голосе, обращаясь скорее к самой себе, чем к нам. Опустив взгляд, она помешала кофе. Затем подняла чашку к губам и вдруг заметила, что вся наша троица пристально на нее смотрит. – Что? Старшеклассники не мужчины. Мальчишки они, только и всего, – она обвела рукой окружающее нас пространство.

Акико весьма миниатюрна и весит не больше сорока килограммов. Ее расовая принадлежность неоднозначна, чему виной наполовину японское, наполовину канадское происхождение. Если судить по внешности, можно решить, будто у нее крутой нрав. На самом деле Акико спокойна, трудолюбива, ответственна и скромна, а мозг у нее работает как компьютер. Порой возникает ощущение, что она знает что-то, что неизвестно никому на свете, и терпеливо ждет, пока наконец не наступит... сама не знаю что. Акико никогда не говорит о своем прошлом, да и о будущем тоже. Если она что-то задумала, понять, что у нее на уме, не так просто, пока она не приступит к претворению своей затеи в жизнь. Этим летом Акико едет в Японию: ее дедушка решил, что внучке непременно нужно побыть с родственниками, которых она никогда не видела. Ему вдруг захотелось, чтобы Акико прикоснулась к своим японским корням. По крайней мере, так она нам сказала. Нам кажется чуточку странным, что ей предстоит провести целых два месяца с совершенно незнакомыми людьми, пусть они ей и родня. Впрочем, никто не знает, что по этому поводу думает сама Акико. Когда она впервые поведала нам о предстоящей поездке несколько месяцев назад, вид у нее был не слишком счастливый, но и не несчастный – казалось, подруга просто смирилась со своей участью.

– Твоя правда, – вздохнула Джорджейна, возвращая меня в настоящее. – Обычные мальчишки.

Я отхлебнула капучино:

– Хочешь скорее в Японию, Акико?

– В какой-то степени, – пожалала плечами она. И, как обычно, перевела тему: – А ты, Сэксони? Не передумала ехать в Италию?

– Шутишь? – просияла Сэксони. – Жду не дождусь. Италия есть Италия. Кофе, сыр, история, искусство! – мечтательно вздохнула она и добавила страстно: – Итальянцы!.. Как же мне повезло. – Все мы знали, что она имеет в виду исключительно мужчин.

– Ты хотела сказать: «подгузники», «непроливайки» и «коляски»? – вставила Джорджейна. Мы дружно расхохотались, а Сэксони смеялась громче всех.

Недавно ей представилась возможность поработать *au pair*⁸ в Венеции: итальянская семья искала говорящую по-английски няню, которая жила бы с ними все лето и помогала в уходе за двумя сыновьями. Представить Сэксони в роли няньки ох как непросто, но она настаивала, что просто обожает детей, – особенно учитывая, что опекать их нужно будет не сутки напролет.

– Слава богу, что они уже чуть-чуть подросли, – радовалась подруга. – Если бы предложили сидеть с младенцами, я бы сто раз подумала. Одному шесть, второму девять – сло-

⁸ *Au pair* – букв. обоюдный (*фр.*) – международная программа, позволяющая молодым людям поехать в другую страну, жить в семье и получать небольшую плату за выполнение определенной работы, например, помощь по хозяйству и уходу за детьми.

вом, оба давно миновали «липкую стадию». К тому же, – на-помнила она, – мне обещали отдельное жильё и полный пансион. Это ли не рай?

Все согласились, что ей и впрямь повезло.

– Ну а ты, – Акико взглянула на Джорджи, – решила на-счет Ирландии?

Мама Джорджейны – ее звали Лиз – уговаривала дочь провести лето у тети Фейт, которая была битницей⁹ и жила в Ирландии. Но мы-то знали, что Лиз просто пытается поско-рее сплавить дочку: она всегда думала лишь о своей карьере. Конечно, в детстве Лиз не раз возила Джорджи в Ирландию, но с тех пор как добилась промежуточного успеха – из рядо-вой сотрудницы доросла до полноправного делового партне-ра процветающей фирмы, – все это прекратилось. Моя по-друга не навещала тетю уже тысячу лет.

– А что тут думать? – отмахнулась Джорджи. – Если Тарга останется здесь на все лето, я тоже никуда не поеду. Будем ходить на пляж, глянем пару летних блокбастеров и засмот-рим до дыр все новые сериалы. Правда, Ти-Нация? – она иг-риво похлопала карими глазками.

Я улыбнулась, услышав свое старое прозвище. Джорджи дала его мне много лет назад, вскоре после того как умер мой папа. В то время я совершенно замкнулась в себе и, каза-

⁹ Битники (*англ. Beatniks*) – неконформистская молодежная субкультура, воз-никшая в 1950-х гг. в США. Характерные черты этого движения – культ свобо-ды, сексуальное раскрепощение, лояльное отношение к наркотикам и алкоголю, стремление к либеральному стилю жизни.

лось, жила в своем собственном крошечном мире, который мы называли «Нацией Тарги». В конце концов подруга и мне придумала забавное прозвище, и оно прижилось.

– Верно, – согласилась я.

Пшенично-светлые волосы Джорджейны были заплетены в две свободные косы. Она взялась за них и притянула друг к другу, словно доярка на исповеди.

– Ну на са-а-а-мом де-е-еле, – протянула она с тяжелым ирландским акцентом, – я пообещала маме, что проведу лето у тети, только если ты тоже куда-нибудь уедешь. Последний раз, когда я там была, все та-а-ак смешно говорили. Я не понимала ни слова.

Я рассмеялась. Пародии у Джорджи всегда получались талантливо.

– По-моему, звучит неплохо. Я бы очень хотела побывать в Ирландии или в какой-нибудь другой европейской стране.

– Просто ты никогда не бывала в Анакуллохе – ирландском городишке, недалеко от которого живет моя тетка, – продолжала она с акцентом. – Настолько крошечном, что глазом моргнуть не успеешь – а он уже исчез за горизонтом. Я бы от такой жизни свихнулась, – Джорджейна скосила глаза и отпустила косы.

– Ты всегда можешь приехать ко мне в Венецию, Тарга, – сказала Сэксони, допивая кофе со льдом. – Я даже разрешу тебе спать со мной в одной постели, если, конечно, ты не станешь храпеть. А если станешь, сброшу тебя в канал!

– Спасибо за предложение, – улыбнулась я. – Боюсь, у меня на это нет денег, но, может, когда-нибудь...

Поболтав еще с полчаса, мы начали поглядывать на часы и телефоны и, прежде чем разойтись, договорились вместе пообедать в парке на следующий день, а в субботу вечером устроить прощальный ужин дома у Джорджейны. Акико и Сэксони живут рядом, поэтому, попрощавшись с нами, ушли вдвоем. Джорджи написала маме, попросив подвезти ее до дома, и мы отнесли пустые чашки внутрь.

– Мама в самом деле за тобой заедет? – спросила я подругу, после того как мы выбросили мусор в сортировочные контейнеры. Я была очень удивлена, ведь Лиз буквально жила на работе и Джорджи всегда была предоставлена самой себе.

– Да. У нее сегодня запись к парикмахеру в «Оазисе», и она как раз закончила. Совпадение, только и всего. – Модный салон красоты «Оазис» располагался в паре кварталов от кафе. – А тебя Майра подбросит?

– Не-а. Люблю ходить пешком, – ответила я, прикрывая маму, ведь она, наверное, еще не вернулась с Кладбища.

Во взгляде Джорджейны сквозило неодобрение: путь от кафе до трейлерного парка занимал не меньше часа. Я знала, о чем она думает. Мы не раз с ней это обсуждали. Подруге нравилось мамино беззаботное отношение к жизни, но когда дело касалось меня, Джорджи полагала ее совершенно безответственной. Из нас двоих, считала она, я была мамой, а

Майра – ребенком. Что ж, наверно, в чем-то она права.

Глава 3

Джорджи схватила меня за руку, когда спортивное авто ее мамы остановилось у входа в кафе.

– Пойдем. Мы тебя подвезем.

Лиз – влиятельный юрист. Как и моя мама, она слишком занята работой, поэтому каждой из нас знакомо чувство одиночества, а вот по части богатства Джорджейна – полная противоположность мне. У нее есть все, что можно купить за деньги, кроме разве личного вертолета, хотя я уверена, что и его они с мамой могут себе позволить. Они живут в особняке с собственным бассейном и спортивным залом, носят дизайнерскую одежду и пользуются самыми крутыми современными гаджетами. При этом Лиз работает не покладая рук и едва замечает родную дочь. Попытаться сослать Джорджейну в Ирландию на все лето – вполне в ее духе.

– Привет, Тарга. Как дела? – Я села на заднее сиденье, и Лиз, высунувшись между передними креслами, одарила меня пластиковой улыбкой. В ухе у нее навеки застрял блютусовый наушник. Светлые волосы, с которыми только что поработал стилист, выглядели просто потрясающе. Произношение ее больше напоминало британское, нежели ирландское. Джорджейна рассказывала, что, поступив в один из лондонских университетов, мама стала брать уроки по фонетике, чтобы скорректировать акцент и научиться говорить

как англичанка.

– Все хорошо, Лиз. Отлично выглядишь. Как дела?

Вместо ответа Лиз вернулась к разговору со своим невидимым собеседником, голос которого звучал в ее наушнике. Они обсуждали «дело Майкла».

Вслед за мамой Джорджейна повернулась ко мне, закатила глаза и произнесла одними губами: «Прости». Я покачала головой и улыбнулась: слишком хорошо я знаю Лиз, а потому ничего иного от нее не ожидала.

– Мама все еще на работе? – спросила Джорджи. – Может, поужинаешь у нас?

Я хотела было согласиться, но заметила, что Лиз стрельнула глазами в сторону Джорджи, не прерывая телефонного разговора. Не знаю, почему я ей не нравлюсь. Может, она считает меня типичным «отребьем из трейлерного парка», а может, ей вообще никто из друзей Джорджи не по душе. По словам подруги, мне не стоит принимать это на свой счет. Просто ее мама постоянно нервничает и слишком много работает, поэтому и кажется недружелюбной. Впрочем, Джорджейна редко отзывается о людях плохо, так что к ее объяснениям я отнеслась скептически. На самом деле, думала я, Джорджи сама таила на маму давнюю обиду, но всеми силами старалась этого не показывать.

– Спасибо, не стоит. Дома меня ждет отличный ужин. – Отчасти это было правдой: продуктов в холодильнике действительно хоть отбавляй.

Они высадили меня у дома, я зашла в пустой трейлер, достала мобильник и набрала номер маминого офиса.

– Поисково-спасательная служба «Синие жилеты», – ответил мне энергичный мужской голос.

– Привет, Майка. Это я, Тарга.

– Тарга! Как ты? – Майка всегда был рад со мной поболтать. Все потому, что, как и большинство мужчин, он запал на мою маму.

– Отлично, спасибо. Мама все еще в офисе?

– Нет, уже ушла. Странно, что она еще до сих пор не дома. Ты хочешь, чтобы я отследил ее по рации?

– Нет, спасибо. У меня есть ее номер. Просто решила сначала позвонить вам, – тут я подумала, что пора раскрыть истинную причину звонка: – Ну что, вы поедете в Чертово Око по просьбе Рейчел Монтгомери?

– Боже. Слухами земля полнится.

– Ну, сегодня об этом говорили по всем новостям.

– Немудрено. Она же звезда. Такими темпами и мы скоро будем в зените славы, – хохотнул он.

Я молча ждала, что он скажет дальше. На другом конце телефона повисла короткая пауза. А затем...

– Нет, мы отказались. Эрик запретил. Впрочем, ничего удивительного. Думаю, в бухту он нас никогда не пустит.

– Наверное, оно и к лучшему? Безопасность превыше всего.

– Ну да. Но сегодня нам позвонил один богач из Польши.

Как знать – может, получим заказ.

– Ого! Из Польши? Было бы круто. – Вот это новость. Надо непременно расспросить маму, когда та вернется с работы. – Ладно, мне пора. Спасибо, Майка.

– Не за что, Тарга. Береги себя, хорошо? – тепло попрощался он. С мамой ладил далеко не каждый, но ко мне почти все ее коллеги были очень добры.

– Спасибо, – я отключилась. Интересно, с чего вдруг какому-то польскому богачу вздумалось обратиться за помощью к канадским дайверам?

Я решила, что мама принялась за работу и наверняка вернется поздно, поэтому включила телевизор для фонового шума, зашла в Интернет, чтобы посмотреть свежие вакансии, и спустя какое-то время почувствовала, что в животе у меня заурчало. Тогда я приготовила ужин, состоявший из рисовой лапши с соусом песто, брокколи и остатками курицы. Припасенную порцию мамы убрала в холодильник: после работы она всегда голодна как волк. Затем прибрала на кухне и бесцельно пощелкала пультом, каналов у нас всего три. Не найдя ничего интересного, немного почитала и незаметно для себя задремала прямо на диване.

Мне снилось, как мимо меня проплывает холодная морская змея, и тут я ощутила прикосновение маминых мокрых волос к моей щеке.

– Ты вернулась! – Я приподнялась, протерла глаза и по-

смотрела на часы, висевшие на стене в кухне. Было два часа ночи. – Нашла? Быстро, однако.

– Конечно, нашла. Дно океана превратилось в самую настоящую помойку, растянувшуюся на полкилометра. Какой же там бардак! Ребятам, конечно, повезло – вовремя дали деру. Сейчас Кладбище усеяно таким количеством обломков, словно ураган пронесся по лесопилке.

– И что ты нашла?

Она вытянула вперед руки, крепко сжав ладони в кулаки.

– Какую открыть первой?

Я постучала по костяшкам пальцев ее правой руки, и моему взгляду предстали три кольца, каждое из которых было украшено драгоценными камнями: рубинами, изумрудами и бриллиантами. Я ахнула – до того они были прекрасны. Я примерила их и спросила:

– Как думаешь, сколько они стоят?

– Не знаю. Менеджер Рейчел предложил мне пять тысяч долларов, если я их отыщу. Разумеется, все строго конфиденциально. В общем, неплохо мы тебе сегодня заработали на колледж, – она поцеловала меня в макушку. Я не стала уточнять, что денег у нас было бы еще больше, если бы она оставила кольца себе: присваивать чужое – не в ее стиле.

Платят маме неплохо, но работа всегда выполняется по контракту. Хорошие заказы на дороге не валяются, и «Синим жилетам» нередко приходится бороться с конкурентами за солидный куш. Поэтому в карманах у нас то густо, то пу-

сто. Частные заказы за вознаграждение, как, например, тот, который мама выполнила для Рейчел Монтгомери, встречаются еще реже. Но мама держит ухо востро и всегда охотно за них берется, а вырученные деньги откладывает на мою будущую учебу. Бывает, что она находит сокровища чисто случайно. Тогда она продает их местному коллекционеру.

– А что в другой руке?

В ней оказались браслет и ожерелье, прекрасно подходившие к бриллиантовому кольцу.

– Как же ты их нашла? Наверное, было непросто разглядеть их среди камней и кораллов?

Она пожала плечами:

– Ничуть. Как правило, такие штуки хранятся в сейфе. Поэтому я искала металлическую коробку, только и всего. Найти ее, кстати сказать, было нетрудно.

Я замерла.

– Они были в сейфе?

– Ага.

– Мам, а как ты объяснишь менеджеру Рейчел, почему они теперь не под замком? – Моя мама проявляет неуемное любопытство ко всему на свете. Готова поспорить, что никакая она не рыба, а самая настоящая кошка¹⁰, пусть и всего наполовину. К людям она особого интереса не проявляет, но, оказавшись в воде, с огромным удовольствием исследу-

¹⁰ Имеется в виду известная английская поговорка: «От любопытства кошка сдохла».

ет окружающее пространство. Конечно, при виде закрытой металлической коробки у нее тотчас возникло непреодолимое желание узнать, что там внутри. Я представила, как она открывает сейф голыми руками, и из него одно за другим высыпаются драгоценные украшения. – А если бы там были купюры?

– Но ведь их же там не оказалось, – пожалала плечами она. – К тому же сейф не был водонепроницаемым. Я верну Рейчел фамильные драгоценности – и это главное. Уверена, она будет очень довольна. Кому какое дело, что случилось с дурацким сейфом? Например, разбился о скалы. Верно?

– Пожалуй. Но не ты ли всегда говорила, что лишних подозрений вызывать не стоит? – порой у меня возникало ощущение, что мы поменялись ролями. Моя всегда донельзя осмотрительная мама вдруг становилась авантюристкой, а я – пресловутым регулировщиком наших с ней жизнью. Видимо, даже ей порой надоедало все время осторожничать.

– Бро-о-ось, – протянула она своим музыкальным голосом и нежно потянула меня за прядь. – Я бы никогда не сделала ничего такого, что поставило бы нашу жизнь под угрозу, и ты это знаешь.

– Ну да, только под угрозой мы с тобой понимаем не одно и то же, – я старалась не думать о том, что может случиться с мамой, если ее тайна раскроется. Но простила ее за оплошность – как, впрочем, и всегда.

Я подогрела ее лапшу и попросила поведать о ночных

приключениях. Она с наслаждением описывала мне подводный мир, украшая рассказ яркими деталями, а я все слушала и слушала, даже когда чистила зубы и готовилась ко сну.

К тому времени как мама закончила, я свернулась калачиком под одеялом. Она нагнулась и поцеловала меня, пожелав спокойной ночи. Но не успела дверь за ней закрыться, как я кое-что вспомнила:

– Мам?

Дверь приоткрылась:

– Да, солнышко?

– Майка сказал, что в офис сегодня звонил какой-то поляк. Саймон ничего тебе о нем не говорил?

– Хм. Нет. Наверно, они приняли звонок после того, как я ушла. Уверена, завтра все выяснится.

– Ладно. Расскажи, когда узнаешь.

– А теперь спать.

И я тотчас заснула. Мне всегда хорошо спится, когда мама дома.

* * *

– Я бы очень хотела увидеть стеклодувов... – говорила Сэксони, как вдруг мы услышали визг покрышек. Я узнала фирменный звук маминого дизеля еще до того, как ее грузовик со скрипом показался из-за угла. – ...на острове Мурано, – закончила она фразу, но чем наша рыжеволосая подру-

га будет заниматься в Венеции, мы уже не думали. Грузовичок с логотипом «Синих жилетов» резко затормозил, едва не нырнув носом в асфальт.

Мы встретились в той части парка, которая выходит прямо на пляж, чтобы устроить пикник. Я захватила с собой лимонад, Джорджейна приготовила сэндвичи с яичным салатом, а Сэксони принесла домашнее печенье. Акико мы попросили взять овощи и соус, но в последний момент подруга написала, что дедушка дал ей срочное поручение и поэтому она не успеет на встречу с нами.

– Слушай, так резко тормозить твоей маме точно не стоит, – заметила Сэксони. Столь трепетное отношение к транспортным средствам передалось ей от двух братьев: оба были помешаны на автомобилях.

Оставив мотор включенным, а дверь открытой, мама пошла по лужайке по направлению к нам. Черные волосы ее развевались за плечами в такт походке. Я схватила мусор, оставшийся после ланча, и запихнула его в холодильник, который принесла Джорджейна. Что бы ни было у мамы на уме, лучше моим подругам об этом не знать.

– Простите, детки. Мне пора. Спишемся, – я поднялась и взяла принесенный из дома термос.

– Конечно, Тарга. Без проблем, – ответила Джорджейна.
– Надеюсь, все в порядке.

Сэксони кивнула, не проронив ни слова. Обе во все глаза смотрели на мою маму.

– Какая же она крутая, – чуть слышно прошептала Сэксони. Она всегда подмечала, что моя мама – горячая штучка, и не стеснялась говорить об этом вслух.

– Да ну тебя! Хуже парней! – я шутливо похлопала по другу по плечу и пошла навстречу маме. Она остановилась подождать меня и помахала девчонкам, а те помахали ей в ответ.

– Все в порядке? – спросила я. Казалось, мама ничуть не расстроена, и мало-помалу сердце мое стало биться спокойнее.

Мы пошли к грузовичку. Она обняла меня за плечо:

– Все отлично. У меня к тебе предложение.

– В самом деле? Говори же скорее какое, – я обошла грузовичок и села на пассажирское сиденье. Ничего не ответив, мама резко сдала назад. Я помахала подругам на прощание и вдруг вспомнила о Рейчел Монтгомери.

– Прежде чем ты раскроешь все карты, – начала я, – скажи: ты уже вернула Рейчел фамильные драгоценности? – Я хотела попросить у мамы разрешения пойти вместе с ней и позвать Сэксони, но отвлеклась и совсем об этом забыла. Что ж, надеюсь, я не опоздала.

– Да, сегодня утром, – ответила она.

– Вот черт!

Ужасная из меня подруга. Ну, по крайней мере, Сэксони ничего об этом не знает, а значит, не станет на меня сердиться. Мама искоса на меня посмотрела:

– А что? Что-то случилось?

– Я не думала, что ты так быстро справишься, – вздохнула я. – Она обрадовалась? Расскажи, какая она? – Конечно, мне было любопытно, что представляет собой правящая королева тинейджеров всея Голливуда.

– Что значит «какая»? – вопрос явно сбил маму с толку. – Обычный человек. Ходит. Говорит. Сердце бьется, как у всех. Обрадовалась? Само собой, я ведь вернула ей ее безделушки.

– Ну ты хотя бы с ней сфотографировалась? Скажи, что да! – Но я, разумеется, знала, каким будет ее ответ.

– С какой стати? – она посмотрела на меня так, словно я только что озвучила самую глупую мысль на свете.

Я вздохнула:

– Не волнуйся. Я сама виновата.

– Да? В чем же? – она заморгала, глядя на меня в полном смятении.

– Сэксони от нее без ума, и я хотела попросить тебя... ладно, забудь. Рассказывай дальше, – я старалась на маму не обижаться. Ей ни за что на свете не пришло бы в голову сфотографироваться со звездой или взять у нее автограф.

Всякий раз, когда я говорила маме о чем-то «забыть», она понимала это буквально, поэтому история драгоценностей кинодивы моментально утратила актуальность. Мама пере-скакивала с одной темы на другую с той же легкостью, с какой меняла передачи, когда была за рулем.

– Помнишь, ты спрашивала меня о поляке, который звонил в наш офис?

– Ага. И что он сказал? Предложил поработать прямо в Польше? – страх подкрался и холодными пальцами пробежал по моей спине. Я не хотела, чтобы мама оставляла меня одну на все лето. Она и без того проводит каждую зиму в командировках. Однако чутье мне подсказывало, что дело во все не в этом, ведь вид у нее сегодня отнюдь не такой мрачный, как бывает, когда ее команда подписывает зарубежный контракт.

– Парня, который нам звонил, зовут Антони Баранек, – начала она. – Он – персональный ассистент польского богача по имени Мартиниуш Йозеф Новак. Крупная рыбешка! Но это еще не все. Ему принадлежит судоходная компания в Гданьске. Ей лет сто пятьдесят, не меньше.

– В Гданьске? – странное название отскочило от моего языка, словно резиновый мячик.

– Это город в Польше, на Балтийском море.

– Я догадалась, – проговорила я, стараясь скрыть сарказм. Впрочем, мама его и не заметила.

– Его компания много лет разыскивала потерпевший крушение корабль, который когда-то ей принадлежал. И в конце концов добилась успеха – по наводке Британского флота.

– И теперь они хотят, чтобы «Синие жилеты» подняли эту рухлядь со дна моря, – подытожила я. – А зачем они обратились к иностранцам? Разве у них в Польше нет своих дай-

веров?

– В том-то и дело, – кивнула мама. – У «Судоходной компании Новака» есть небольшая поисково-спасательная команда, но они заняты другими проектами и ничего не смыслят в старых развалюхах. Наткнувшись на сайт «Синих жилетов», Мартиниуш изучил список наших достижений. Конечно, Саймон предупредил его, что везти нас туда будет недешево: придется арендовать снаряжение, заплатить за проживание и многое другое. Но старик стоит на своем.

– Ух ты. Лестно, однако.

Лестно для них. А для меня – сущий кошмар.

– Представитель клиента, Антони, направил аналитические данные Эрику, и тот сразу дал добро. Стало быть, проект запущен. Честно говоря, сроду не видела у Эрика столько энтузиазма. В общем, все показатели сошлись, так что «Синим жилетам» не терпится приступить к работе.

– А сама ты что об этом думаешь? – спросила я. Мама ведь еще ничего не сказала по существу. Что-то явно назревало – не случайно же она стремглав бросилась забирать меня с пикника.

– Старик готов заплатить кучу денег. Вдобавок он пообещал, что в нашем распоряжении будет любое необходимое оборудование – как для погружений, так и для полетов. Делает ставку на то, что проект долгосрочный.

– Послушать, так лучшего заказа и быть не может.

– Именно. Но есть одно «но». Мартиниуш читал обо мне в

газетах, и работу он готов предложить лишь при одном условии: я непременно должна быть частью команды. – Мама повернула грузовик на нашу улицу.

Я представила, как Мартиниуш читает статью о маме: «Звезда подводного плавания Майра Мак’Оли, которой „Синие жилеты” во многом обязаны своему успеху, может справиться с поставленной задачей, как никто другой – ни до, ни после нее...»

– Саймон превзошел сам себя. Дал добро, не спросив моего согласия, – по ее взгляду было видно, что она не слишком-то довольна ситуацией. – Я, конечно, сказала ему, что, прежде чем хвататься за иностранный заказ, неплохо бы узнать мое мнение, а не думать, что я всегда тут как тут.

Мое сердце сжалось.

– Значит, ты уезжаешь на все лето?

В этот момент запищал телефон, и я опустила глаза. Пришло сообщение от Джорджейны: «Все хорошо? Приходи завтра утром. Обсудим».

– Я поставила шефу условие, – мама припарковала грузовичок на подъездной дорожке и повернулась ко мне.

– И какое? – я отложила телефон.

– Моя дочь должна поехать со мной, – улыбнулась она.

Я ахнула, и сердце мое забилося сильнее.

– А что сказал Саймон?

– Попытался меня отговорить, но я была непреклонна и без труда взяла шефа за жабры. Как, впрочем, и всегда, –

мама мне подмигнула, и я рассмеялась. – В общем, он снова позвонил Антони и изложил ему мое условие. Объяснил новоиспеченному партнеру, что начались летние каникулы, а Майра, которую они хотят видеть, не намерена оставлять свою девочку одну дома.

– И что сказал Антони?

Во взгляде мамы читалось искреннее удивление.

– Не поверишь, Тарга. Видела бы ты лицо Саймона. Патрон Антони, Мартиниуш, ответил, что иначе и быть не может. Теперь, когда выяснилось, что у лучшего дайвера фирмы есть дочь, он настаивает, чтобы Майра взяла ее с собой. Не знаю почему, но как есть. – Она вопросительно на меня посмотрела. – Ну что, хочешь поехать со мной в Гданьск на все лето?

Не представляю, что отразилось на моей физиономии. Энтузиазм бил ключом. Мама, заметив это, быстро модифицировала свое предложение:

– Точно не знаю, как долго мы там пробудем. Зависит от того, что именно нам удастся разыскать и сколько всего предметов в грузовом манифесте¹¹. Полагаю, на поиски уйдет не меньше полутора месяцев. Как бы то ни было, мы точно успеем вернуться к началу твоего двенадцатого учебного года. Что скажешь?

Я перегнулась через центральную консоль и упала в ее объятия.

¹¹ Документ, содержащий информацию обо всех грузах на судне.

– Да! Да! Да! Черт, я понятия не имею, где находится этот Гданьск, но я согласна! Даже не верится!

Мама крепко меня обняла и вдруг отстранилась. В ее пронзительно-лазурных глазах сквозило беспокойство.

– Ты ведь знаешь, что я буду занята, да? Задание очень серьезное, к тому же я, как обычно, намерена работать и на компанию, и на себя. Впрочем, по выходным я буду свободна – Саймон не стал возражать. А вот остальным членам команды придется трудиться и по субботам. В общем, не волнуйся: времени у нас, конечно, будет немного, но выходные мы с тобой сможем проводить вместе. Договорились?

Я хотела поехать в Европу с тех самых пор, как узнала о ее существовании. Но вот беда: у нас никогда не было лишних денег, чтобы это устроить. Конечно, Польша для меня далеко не на первом месте, и я ничего о ней знаю. Но побывать в Европе, да к тому же бесплатно...

– А то! – я крепко прижала маму к себе. – Шутишь, что ли? Поехали скорее в Польшу!

Глава 4

– Куда? Куда ты едешь? – удивленно переспросила Джорджи, тщетно пытаясь совладать с машиной для попкорна. Непослушный аппарат выдувал горячий воздух и кукурузинки куда угодно, только не в миску. Выключив его, подруга пристально на меня посмотрела.

Я пришла к Джорджейне за пару часов до появления Сэксона и Акико. Мы всегда так делали, если нам нужно было побеседовать с глазу на глаз.

– Пожалуйста, скажи мне, что я ослышалась. Ты ведь не собираешься провести лето в Польше? Ну хоть признайся, что оговорилась и на самом деле едешь в Коста-Рику или в какое-нибудь другое классное место... раз решила меня бросить. – Она согнула свое длинное туловище пополам, подняла с паркета упавшую кукурузинку и швырнула ее в раковину. Затем поднялась и окинула меня взглядом, способным расплавить стекло. – Да, бросить. Именно это я и сказала.

В этот момент меня кольнуло чувство вины, но в глубине души я знала, что подруга за меня рада. У Джорджи есть любопытная особенность: сперва на щеках у нее появляются ямочки, и лишь после этого она расплывается в улыбке. Нет, не наоборот, как у всех остальных, а именно так: сначала ямочки, а потом улыбка. Так было и сейчас: она еще не улыбалась, но две большущие ямочки уже весело плясали на

ее щеках. Я мысленно вздохнула с облегчением.

– Знаю. Прости меня. Я ведь не предполагала, что так получится. – Протянув подружке горшочек расплавленного масла, я смотрела, как она поливает им попкорн. – Но кто откажется от бесплатной поездки в Европу? Не каждый день выпадает такая возможность. Особенно мне.

– Понимаю. – Джорджи вздохнула, достала из ящика особую ложку, привела ее в рабочее положение, шлепнув себя по бедру, и принялась помешивать попкорн. – Ладно. Расскажи мне еще раз о том старом поляке. Если честно, я не думала, что ты меня так ошарашишь, поэтому слушала не слишком внимательно.

– Ну спасибо, – я бросила в нее кукурузинкой и высунула язык.

Увернувшись, Джорджи засмеялась, посыпала попкорн морской солью, снова его помешала и бросила ложку в суперсовременную посудомойку. А потом двинулась к раздвижной двери, которая вела на задний двор, и открыла ее, подцепив за ручку длинными пальцами ноги. Я проследовала за ней. Мы направились к стульям, стоявшим у ямы для костра. Небо было подернуто нежной персиковой дымкой. Пять деревянных стульев ручной работы были расставлены вокруг ямы, обнесенной кладкой из речного камня. Со спинки каждого свисал свернутый пополам мягкий плед. На стоявшем рядом столике нас ждали кувшин с ледяным чаем и стопка пластиковых стаканчиков. Порой, глядя на такие

штуки, я невольно задумывалась, как сильно жизнь Джорджи отличается от моей. Она жила в глянцевоm журнале, ну а я... в трейлерном парке. Дом Джорджейны находился в самом богатом районе Солтфорда, название которого – Белла Виста¹² – было выбрано не случайно: все дома здесь огромны и выходят окнами на Атлантику.

Мы устроились поудобнее и жевали попкорн, пока я рассказывала подруге о задании, которое «Судоходная компания Новака» поручила «Синим жилетам».

Джорджи взяла горстку попкорна.

– Чем будешь заниматься, пока мама на работе?

– Я уже составила список, – я достала телефон и показала ей несколько достопримечательностей Гданьска, фотографии которых нашла в Сети.

– Ого! – изображения ярких старинных зданий, выстроившихся бок о бок вдоль одного из городских каналов, явно произвели сильное впечатление на мою подругу. – Черт, как же там красиво! Почему я никогда не слышала об этом месте?

– Наверное, это не самый известный город в Европе, – пожала я плечами. – Но, может, оно и к лучшему, ведь туристов там наверняка будет не так и много. Сэксони не подозревает, какое столпотворение царит в Венеции в июле и августе, – я поежилась. Ненавижу толпы.

– Боюсь, что она об этом даже не задумывалась, – замети-

¹² *Bella vista* – красивый вид (*um.*).

ла Джорджейна. – Впрочем, в отличие от тебя, она не боится больших скоплений людей. Особенно если речь идет о толпе итальянских мужчин.

– Верно, – рассмеялась я. – Каждому свое.

Я рассказала ей о польских пляжах. Конечно, это не сотни метров сверкающего белого песка, как на Карибах, но нас, атлантических канадцев, этим не удивишь.

– У меня и список книг составлен, – я с наслаждением представляла, как лежу на пляже с толстеньким томиком.

– Охотно верю. Но готова поспорить, ты целыми днями будешь изучать местные достопримечательности и толком не успеешь ничего прочитать. – Она вздохнула. – Звучит заманчиво. Ну что ж, раз этим летом вы все куда-то уезжаете, надо чем-то заняться и мне...

– Может, все-таки согласишься на Ирландию? – я по-прежнему не до конца понимала, почему Джорджи сомневается. – Помню, когда ты вернулась оттуда в прошлый раз, все было хорошо. Мне показалось, Ирландия тебе понравилась.

– Да, но с тех пор прошло много лет, – кивнула она. – В то время я была ребенком, который только что лишился отца. Теперь все по-другому. Я выросла. К тому же я сказала Лиз, что останусь здесь лишь потому, что ты никуда не уезжаешь. Больше оправданий у меня нет. Похоже, мне все-таки придется полететь на изумрудный остров.

– Ты будешь в восторге, – подбодрила я подругу. – По-моему, Ирландия гораздо интереснее Польши. Но мне ли жа-

ловаться?

– Да, там симпатично. Все такое зеленое и яркое. Давненько я там не бывала. Последний раз – незадолго до того, как твой папа скончался.

– За целых три года до его смерти, Джорджи. Тебе было всего пять. – В тот год, когда папы не стало, я по-настоящему поняла, что для меня значит наша дружба. Да, мы были детьми и были знакомы чуть не с рождения, но Джорджи стала моим утешением. Несмотря на юный возраст, она вела себя вполне по-взрослому, куда более зрело, чем я.

– Раз речь зашла о наших отцах... твой не объявлялся? – я с интересом посмотрела на подругу, достав несколько последних кукурузинок с маслянистого дна миски – они были твердыми, хрустящими и не полностью лопнувшими. Именно такие мне и нравятся, даже если они слегка подгорели.

Она покачала головой:

– Нет. Когда мы общались в последний раз, он жил в Эдмонтоне со своей новой женой. Думаю, в моем случае поезд ушел, а папа в нем – машинист. – Она отряхнула руки от соли. – Да и мамины рельсы, похоже, заскрипели. Пить хочешь?

Я кивнула, и она налила мне ледяного чая. Уголки ее губ грустно опустились. Мы обе потеряли отцов, – с той лишь разницей, что мой ушел не по своей воле. Джорджи винила в своей утрате себя и, наверное, будет винить всегда. А мне было трудно сердиться на человека, которого я почти не

помнила.

Лиз и Brent развелись, когда Джорджейне было всего пять лет, и отчасти поэтому ее мама взяла девочку с собой в Ирландию следующим летом. Дома у них царил хаос: первое время отец давал о себе знать и участвовал в совместной опеке, но вскоре стал пропускать встречи, а потом и вовсе пропал на целый месяц, никому не сказав, где он. В конце концов он полностью исчез, оставив лишь записку с адресом электронной почты и номером телефона, по которому Лиз могла с ним связаться, рядом было нацарапано: «Для экстренных случаев». Это окончательно развеяло все сомнения. После такого Лиз и Джорджи точно не станут ему звонить. Ни в экстренном, ни в каком другом случае.

– Ты прикинула, когда полетишь в Ирландию?

– Не знаю. Скоро, наверное. А ты уезжаешь...

– Через неделю, – представляя посадку в самолет, я всякий раз испытывала легкий всплеск адреналина.

Она кивнула:

– Попрошу секретаря Лиз посмотреть, какие рейсы доступны в эти даты, – в большинстве случаев Джорджейна называла маму по имени, а когда ей нужно было что-то согласовать, будь то покупка билетов или запись к зубному врачу, всегда звонила в ее офис. Я бы точно не смогла называть маму Майрой и тем более обращаться к ее секретарю с личными просьбами.

– Знаю, что ты сама пока не в курсе, когда вернешься. Со-

общие мне, как только вы определитесь. Я постараюсь прилететь примерно в то же время. Вдруг нам повезет и мы еще успеем потусоваться пару недель, перед тем как начнется учеба.

Я согласилась и добавила:

– Отдохни на всю катушку, Джорджи. Ты ведь едешь в Ирландию, а не в Виннипег.

– Знаю, – засмеялась подруга. – Мне нравится моя тетя Фейт. Она клевая. Закоренелая хиппи! К тому же там живет мой кузен, с которым я еще не знакома. – Джорджейна сняла плед со спинки стула и укрыла им ноги.

– А я думала, что твоя тетя не замужем и у нее нет детей, – у меня остались смутные воспоминания о том, что говорили об ирландских родственниках Лиз и Джорджейна. Подул легкий ветерок, отчего по коже побежали мурашки, и я тоже укрылась пледом.

– Она не замужем, – пояснила подруга. – А мой кузен, если не ошибаюсь, всего на пару лет старше меня. Тетя усыновила его после того, как я навещала ее в последний раз. В общем, мы не кровная родня, и мне еще не довелось с ним познакомиться. Не знаю, почему она решила усыновить именно этого парня. Лиз мне о нем ничего не рассказывала. Выясню, когда приеду. Его зовут Джашер. Классное имя, да? – Ноги Джорджи выглянули из-под пледа. Она приподнялась и расправила его, укутывая ступни. Быть длинноногой порой не слишком удобно.

– Очень классное. Он симпатичный? – не то чтобы меня это волновало, но милая улыбка и широкие плечи точно обеспечат Джорджейне хорошее лето.

– Не знаю. Пришлю тебе фотку, сама посмотришь, – пообещала она. Тут ей в голову пришла интересная мысль, и она просияла: – Может, и ты себе найдешь интересного поляка.

– Как знать.

Она бросила на меня косой взгляд:

– Почему ты сомневаешься?

Ну вот, началось. Мы давно всерьез не обсуждали парней. Я старалась избегать подобных разговоров, потому что никогда не знала, что именно нужно говорить. Когда мы собирались вчетвером и речь заходила о парнях, Сэксони и Джорджейна за словом в карман не лезли, а мы с Акико по большей части отмалчивались – с той лишь разницей, что ей свои чувства удавалось облечь в пару коротких фраз, а мне просто было нечего сказать.

– Ну... – замялась я. Джорджейна терпеливо ждала. – Дело в том, что парни меня не привлекают.

– А девушки? – спросила она как ни в чем не бывало. Даже глазом не моргнула! Хотя надо признать, что вопрос был вполне логичным, к тому же задала его Джорджи, а с ней такие темы обсуждать не страшно, ведь, в отличие от многих, она никого не судит. Спроси меня об этом Сэксони – мне бы вряд ли удалось избежать критики.

– Нет, нет и еще раз нет. Слушай, я вовсе не имела в виду, что никого не замечаю и не умею ценить красоту в людях. Просто у меня никогда не было «бабочек в животе», о которых вы целыми днями судачите с Сэксони.

– Но ты ведь не раз ходила на свидания, – напомнила Джорджи. – Например, с Питером в девятом классе. Верно?

– И с баскетболистом Скоттом.

– Помню. Такой милашка! Но Питер слишком низкорослый – даже для такой коротышки, как ты.

– Такое можно услышать только от тебя, – засмеялась я. Питер был сантиметров на пять выше меня.

– Да уж, – фыркнула Джорджи.

– Не очень-то они мне и нравились. Я лишь старалась им угодить. Пригласили – я и пошла. Можно подумать, другая на моем месте поступила бы иначе. Все мы в этом возрасте ведем себя одинаково: ходим на свидания, обнимаемся, целуемся... Разве нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.